На правах рукописи

Тюкова Ирина Николаевна

КОММУНИКАТИВНЫЕ УНИВЕРСАЛИИ И ИХ ЛЕКСИЧЕСКОЕ ВОПЛОЩЕНИЕ В ЛИРИКЕ Б.Л. ПАСТЕРНАКА
(на материале книги «Сестра моя-жизнь»)

Специальность 10.02.01 – русский язык

Автореферат
диссертации на соискание учёной степени
кандидата филологических наук

Томск - 2005

Работа выполнена
в Томском государственном педагогическом университете

Научный руководитель – доктор филологических наук
профессор Болотнова Нина Сергеевна

Официальные оппоненты – доктор филологических наук
профессор Лысакова Ирина Павловна

кандидат филологических наук
доцент Сыпченко Светлана Васильевна

Ведущая организация – Саратовский государственный
университет

Защита состоится «17» февраля 2005 г. на заседании диссертационного совета Д. 212.267.05 по присуждению учёной степени доктора филологических наук при Томском государственном университете по адресу: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке Томского государственного университета.

Автореферат разослан «27» декабря 2004 г.

Учёный секретарь
диссертационного совета
профессор Л.А. Захарова

Диссертационное исследование посвящено изучению закономерностей словесно-художественного структурирования текста (коммуникативных универсалий) в книге лирики Б. Пастернака «Сестра моя – жизнь».

Работа выполнена в русле нового направления современной функциональной стилистики – коммуникативной стилистики текста, комплексно изучающей эстетический смысл художественного текста и идиостиль автора «на коммуникативно-деятельностной и лексикоцентрической основе» (Болотнова, 2001). Ключевое понятие данного направления – «идиостиль» трактуется как «многоаспектные проявления языковой личности автора в структуре, семантике и прагматике текста» (Болотнова, 1998).

Актуальность исследования.

Антропоцентризм и текстоцентризм современного гуманитарного знания оказали влияние на характер современной лингвистики. Возросший интерес ученых к языковой личности, «стоящей» за текстом (Караулов, 1987), и стимулированный этим коммуникативно-прагматический подход к тексту обусловили возникновение ряда новых научных направлений, изучающих данный феномен как *форму коммуникации* в связи с общей *проблемой эффективности общения* - таких как филологическая герменевтика (Г.И. Богин, Г.П. Щедровицкий и др.), психопоэтика (В.А. Пищальникова, Ю.А. Сорокин и др.), коммуникативный синтаксис (Г.А. Золотова, Е.А. Реферовская и др.), функциональная стилистика (М.Н. Кожина, М.П. Котюрова, Т.Б. Трошева, Е.А. Баженова; М.Б. Борисова, Н.И. Бахмутова и др.), функциональная лексикология (В.В. Степанова, В.Д. Черняк, Н.Е. Сулименко, Т.А. Трипольская и др.). Это определяет необходимость *изучения проявляющейся в сфере эстетической коммуникации творческой индивидуальности автора с точки зрения эффективности его речевого общения с адресатом.*

Всплеск научного интереса к функционально-прагматическим аспектам текстовой деятельности стимулировал возникновение в рамках современной стилистики художественной речи научных направлений, исследующих явление идиостиля в новом ракурсе – с точки зрения уникальности авторского мировидения и коммуникативной природы текста. Закономерным следствием этого явилась отчетливо наметившаяся в современных стилистических исследованиях тенденция совместить анализ специфики идиостиля с попытками выявить различного рода универсалии, а также установить некоторые общие принципы текстовой деятельности, обусловленные особенностями языковой личности коммуникантов. Так, наряду с традиционным для стилистики изучением универсальных смыслов (*человек, время, пространство, событие* и др.), отраженных в словесно-образной ткани художественного произведения (Чернухина, 1987; Сулименко, 1995, 1997 и др.) и общих закономерностей словоупотребления (см.: Григорьева, 1980; Соколова, 1980; Григорьев, 1979, 1983; Язикова, 1985; Кожевникова, 1986; Зубова, 1989; Борисова, 1995 и др.), в настоящее время в рамках нового «концептуального» направления в стилистике художественной литературы (Малышева, 1997; Кусаинова, 1997; Суродина, 1999; Тильман, 1999; Данькова, 2000; Проскуряков, 2000; Иващенко, 2001; Кузьмина, 2001; Лаврова, 2001; Староченко, 2001; Чурилина, 2001; Тарасова, 2003, 2004 и др.) ведется поиск смысловых универсалий художественного мышления автора (отдельных концептов или системы «концептов-доминант творчества художника» (Малышева, 1997), репрезентированных в языковой ткани текста). В работах, выполненных в русле функциональной стилистики текста, разрабатываемой пермскими учеными, проблема соотношения общего и единичного в смысловой структуре произведения рассматривается в аспекте взаимоотношения стереотипности и творчества (см., например, сборники: «Текст: стереотип и творчество» (1998); «Стереотипность и творчество в тексте» (1999, 2002, 2003)). Все эти исследования отличает ориентация преимущественно на *первичную* коммуникативную деятельность *автора. Вторичная* коммуникативная деятельность *адресата* в связи с проблемами понимания текста разными категориями читателей является объектом изучения в работах, выполненных в рамках психолингвистики (Рубакин,1977; Белянин,1992; Пищальникова, Сорокин, 1993 и

др.), филологической герменевтики (Богин, 1986; 1989), психопоэтики (см., например, диссертации Т.А. Голиковой, 1996; Т.Г. Утробиной, 1997 и др.), стилистики декодирования (Арнольд, 1974 и др.). В коммуникативной стилистике текста предложен новый – комплексный – подход к исследованию идиостиля, что определило и соответствующие направления его анализа в коммуникативно-деятельностном аспекте: на основе теории регулятивности, текстовых ассоциаций и смыслового развертывания (Болотнова, 2001). К числу ключевых проблем теории регулятивности (Болотнова, 1992, 1994, 1998, 2000, 2001, 2003) относится исследование лексических регулятивных средств и способов регулятивности. Взгляд на явление идиостиля с точки зрения теории регулятивности, предполагающий ответ на вопрос, как «конкретная языковая личность автора организует диалог с читателем, направляя его речемыслительную деятельность по определенному пути в соответствии с коммуникативной стратегией текста и интенцией создателя» (Болотнова, 2001), обусловливает необходимость и актуальность *выявления воплощенных в лексической макроструктуре текста не только уникальных, но и универсальных (общих) средств и способов организации интерпретационной деятельности читателя, определяющих регулятивные возможности текста.*

Одной из актуальных задач теории регулятивности является изучение *законов и принципов словесно-художественного структурирования текста - коммуникативных универсалий***,** организующих вторичную текстовую деятельность читателя. В рамках общей концепции коммуникативных универсалий, разработанной Н.С. Болотновой (1992; 1994), изучены коммуникативные универсалии художественного текста, имеющие *лексическую* основу: 1) выделено четыре закона словесно-художественного структурирования текста («закон эстетически ориентированной смысловой «избыточности»; «закон эстетически обусловленной «экономии» языковых средств»; «закон гармонического соответствия текстовой парадигматики и синтагматики»; «закон гармонического соответствия типовых и уникальных текстовых ассоциаций»); 2) выявлены и описаны принципы, в которых реализуются данные законы: «многократное усиление характерного признака художественной реалии»; «одновременная актуализация разных смысловых признаков художественной реалии, стимулированных одним словом»; «экспликация смысловых признаков одной художественной реалии через соотношение (сравнение, сопоставление) с другой художественной реалией» и др. Вместе с тем до сих пор *не было специальных монографических исследований коммуникативных универсалий в аспекте идиостиля.*

Поскольку творческая индивидуальность художника слова проявляется в определенных *закономерностях* организации *лексической* структуры текста - «ассоциативно-смысловой макросети, отражающей определенную коммуникативную стратегию автора и его мировидение» (Болотнова, 1992), необходимым и актуальным представляется *выявление репрезентированных в ней коммуникативных универсалий.*

Несмотря на то, что законы словесно-художественного структурирования текста имеют универсальный характер, их воплощение в конкретной художественной системе уникально. Хотя речь идет о лирике, рассматриваемой многими исследователями как особый, «автокоммуникативный акт» (Левин, 1998), «речь для себя» (Фатеева, 1995), фактор адресата, безусловно, характерен и для неё (даже если это интимная, любовная лирика). Тем интереснее изучить особенности отражения общего (типового), обусловленного коммуникативной природой художественного текста, в произведениях столь оригинального поэта, как Б. Л. Пастернак.

Объектом данного диссертационного исследования являются коммуникативно обусловленные закономерности лексической организации поэтических текстов Б. Пастернака. ***Предмет исследования*** – индивидуальные особенности воплощения универсальных принципов словесно-художественного структурирования текста в поэтической системе автора.

Цель работы – изучить особенности отражения универсальных законов словесно-художественного структурирования текста в книге лирики Б. Пастернака «Сестра моя-жизнь».

Поставленная цель предполагает решение следующих **задач**:

1) описать своеобразие поэтического мира Пастернака на основе анализа словесно-художественного структурирования его лирики;
2) рассмотреть типичные для поэзии и свойственные идиостилю Б. Пастернака регулятивные модели и структуры (тропы, стилистические приемы и типы выдвижения);
3) выявить индивидуально-авторскую специфику проявления законов словесно-художественного структурирования, обеспечивающих регулятивность поэтических текстов Б.Л. Пастернака.

Материалом исследования является книга лирики Б. Пастернака «Сестра моя-жизнь». Проанализировано более 1300 текстовых фрагментов разного объема: от словосочетания до высказывания и блоков высказываний. По результатам комплексного эксперимента обработано в общей сложности около 1000 ответов информантов.

Научная новизна работы заключается:

1) в описании лексической структуры произведения как отражения специфики поэтически-парадоксального мировидения автора;
2) в исследовании лирики Б. Пастернака в коммуникативно- деятельностном аспекте – на основе теории регулятивности;
3) в выявлении характерных для автора принципов (правил) словесно-художественного структурирования поэтических текстов, специфики их реализации и особенностей лексического воплощения в макроструктуре книги «Сестра моя-жизнь».

Теоретическая значимость исследования состоит в дальнейшей разработке коммуникативных аспектов анализа идиостиля; в выявлении идиостилевых особенностей лирики Б. Пастернака на основе комплексного изучения индивидуально-авторской системы регулятивных средств, структур и способов воплощения эстетического смысла произведения; в определении специфики использования универсальных законов словесно-художественного структурирования (коммуникативных универсалий) в творчестве автора.

Практическая значимость проведенного исследования связана с возможностью применения его результатов в вузовских курсах «Филологический анализ текста», «Стилистика русского языка», в спецкурсах и спецсеминарах по стилистике художественного текста, а также в школьном курсе «Русская словесность» при изучении лирики Б. Пастернака.

Методика исследования является комплексной. Она включает использование приемов наблюдения (интроспекции) и моделирования, контекстологического, семантико-стилистического анализа и элементов компонентного анализа, применение экспериментов разной направленности, а также количественных подсчетов, включая компьютерную обработку данных.

Основные положения работы были **апробированы** на научной конференции «Русский язык и литература в современном культурном пространстве» (2 - 3 ноября 2000, Томск), V Общероссийской межвузовской конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Наука и образование» (23 – 26 апреля 2001, Томск), II Всероссийской научно-практической конференции «Художественный текст и языковая личность: проблемы изучения и обучения» (11 – 12 октября 2001, Томск), V региональном научно-практическом семинаре «Диалог с текстом: проблемы обучения смысловой интерпретации» (25 апреля 2002, Томск), VI Всероссийской межвузовской конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Наука и образование» (15-20 апреля 2002, Томск), VI региональном научно-практическом семинаре «Лингвосмысловой анализ текста» (25 апреля 2003, Томск), III Всероссийской научной конференции «Художественный текст и языковая личность» (29-30 октября 2003, Томск), а также на заседаниях кафедры современного русского языка и стилистики Томского

государственного педагогического университета (2004) и кафедры русского языка Томского государственного университета (2004). Содержание работы отражено в 9 публикациях.

Структура работы. Диссертация состоит из **введения**, **трех глав**, **заключения** и **3 приложений**. Библиография работы включает 270 наименований. Порядок следования глав соответствует логике исследования. В **1 главе** рассматриваются особенности лексической структуры текстов книги «Сестра моя-жизнь» как отражение поэтически-парадоксального мировидения автора и его творческой эстетики. **Во 2 главе** исследуются регулятивные средства и структуры (тропы, стилистические приемы и типы выдвижения) и их коммуникативные возможности в лирике Б.Л. Пастернака. В **3 главе** выявляется специфика функционирования регулятивных средств и структур и особенности реализации коммуникативных универсалий в произведениях поэта. **В заключении** подводятся основные итоги исследования.

Основное содержание работы

Во введении обосновываются актуальность и новизна темы, её теоретическая и практическая значимость, определяются объект, предмет, материал и методика исследования, формулируются цель и основные задачи работы, излагаются основные положения, выносимые на защиту. Во введении также дается история вопроса - обзор литературоведческих и лингвистических исследований, посвященных лирике Б. Пастернака.

Первая глава «Парадоксально-антиномичная «поэтическая вселенная» Б.Л. Пастернака и её отражение в слове» посвящена исследованию лексической структуры лирических произведений Б. Пастернака в соотнесенности с поэтически-парадоксальным мировидением автора, выявлению характерной для него эстетически обусловленной «текстовой нормы» (Н.С. Болотнова) в книге «Сестра моя-жизнь»: описанию доминирующих принципов словесно-художественного структурирования произведений и рассмотрению основополагающих положений уникальной творческой эстетики поэта.

§ 1.1. «Вводные замечания». Теоретической основой диссертационного исследования явилось положение о том, что «в характере лексического структурирования текста проявляются не только общие закономерности, свойственные текстам определенной жанрово-стилевой ориентации (коммуникативные универсалии разных типов, отражающие законы и принципы текстовой организации, обусловленные коммуникативной природой текста), но и индивидуальные особенности, соответствующие стилю автора» (Болотнова, 2000).

Творческая индивидуальность создателя текста проявляется как в специфике его ориентации на стилистический узус (закономерности стилистического использования языковых средств (Винокур, 1980)), так и в принципах лексического структурирования.

Выявление отраженных в художественном тексте (ХТ) особенностей *поэтической системы* автора, а также анализ функциональной (эстетической) нагрузки того или иного её элемента предполагает обращение к объективированной в лексической структуре произведения *системе образов.* Все ипостаси слова, обусловленные его сложной многоликой природой, все заключенные в нем «противостоящие друг другу сферы бытия» (Эпштейн, 1987), с которыми оно соотносится разными своими гранями, в художественном произведении обретают гармонию лишь посредством ***словесного образа***.

Адекватная смысловая интерпретация любого художественного произведения невозможна без знания особенностей мировоззрения его творца, так как любой текст «вдвинут», по выражению Ю.М. Лотмана, в некоторую «внетекстовую структуру», самый абстрактный уровень которой он определяет как «картина мира» или «модель культуры» (Лотман, 2000). Данное положение приобретает особую актуальность, когда речь идет о такой сложной неординарной личности, как Б. Пастернак. Это обусловило необходимость анализа особенностей картины мира поэта, хотя уже имеются работы,

посвященные данному вопросу (см. труды Н.А. Фатеевой, А.К. Жолковского, В.С. Баевского, И.И. Ковтуновой и др.).

В § 1.2. «Творческая эстетика Б. Пастернака как ключ к постижению поэтической картины мира “Сестры моей – жизни”» рассматриваются основные положения эстетической программы автора, обосновывается их концептуальная связь с «моделью» поэтического мира Сестры моей-жизни». Под поэтической картиной мира понимается «система смыслов, образов и представлений, сформировавшихся в сознании автора и читателя при посредстве единиц формальной, содержательной, функциональной, «культурной», «эстетической» и «духовной» семантики поэтического текста» (Казарин, 1999).

Без знания особенностей мировидения автора «Сестры моей-жизни», его «философии» природы и искусства, определивших не только экспрессивную метафоричность, сложность, но и парадоксальность этой удивительной книги, постижение её глубинного художественного смысла невозможно.

Анализ лексической структуры произведения показал наличие тесной, концептуально значимой связи между характером её организации и эстетическими установками поэта. Стремление донести их до читателя, сопряженное с желанием «заразить» его своим восторгом перед великолепием и чудом жизни, без сомнения, обусловило неповторимость «поэтической техники» Пастернака, специфику индивидуально-авторских «правил» (принципов) художественного структурирования текста и нестандартность их вербального воплощения.

Творческая эстетика поэта, безусловно, несет на себе печать культурного контекста эпохи. Охватившая художников слова начала XX в. «жажда синтеза», «всесветного единения» (Юрьева, 2003), коснулась и молодого Пастернака. «Философское и эстетическое оформление синтеза в русском художественном сознании обычно связывают с творческими исканиями Вл. Соловьева…» (Юрьева, 2003), в концепции которого внимание поэта не могли не привлечь проблемы целостности личности и, конечно, учение о «всеединстве» мира (в том числе и идея о «взаимопроницаемости» всех его явлений), а также представление философа о том, что процесс развития есть не что иное, как собирание вселенной (ср.: мир – «собирательное всемирное тело» (Соловьев, 1966)).

При чтении «Сестры моей-жизни» создается достаточно отчетливое впечатление, что постулат философа о «всеединстве» мира трансформировался в интерпретации поэта в идею всеобщего «родства» с жизнью - миром, природой.

В данном параграфе рассматриваются также «тропологические воззрения» Пастернака, поскольку *тропы* являются константой его ранней лирики. «Идеальный троп» (Жолковский, 1997), по Пастернаку, основан одновременно на связях по сходству и по смежности – таким тропом является для поэта *метафора,* которую, заметим, он трактовал широко, фактически относя к ней и метонимию. Так, критикуя «строй метафоры Шершеневичевой» в статье «Вассерманова реакция» (Пастернак, 1991), он пишет: «…ассоциативная связь по сходству и никогда по смежности – вот происхождение метафор Шершеневича. Между тем только явлениям смежности и присуща та черта принудительности и душевного драматизма, которая может быть оправдана метафорически. Самостоятельная потребность в сближении по сходству просто немыслима».

Таким образом, «идеальный» пастернаковский троп – это по сути своей «гибридное» образование, в котором как бы скрещиваются два тропа (в терминологии античной риторики – «фигуры мысли»), некая «гибридная фигура», представляющая собой структурно-смысловое единство. В динамике (в процессе развертывания текста) она разрастается и, включаясь в новое, более сложное образование, трансформируется в синкретичное («гибридное») целое (по существу - это синтез «фигур мысли» и «фигур речи»). Искомое – новое пастернаковское единство - есть особая текстовая структура, основанная на конвергенции. Этот «гибридный троп» представляет собой «прообраз» (и

одновременно - средство создания) парадоксальной «поэтики конвергенции» (термин А.К. Жолковского).

Точно и емко сущность творческой концепции Пастернака и его поэтического мира можно передать, обратившись к характеристике, данной М.М. Бахтиным (1986) одному из направлений эстетики (названному ученым «экспрессивной эстетикой») XIX - нач. XX в.: «Для экспрессивной эстетики, - пишет он, - эстетический объект есть человек и все остальное одушевляется, очеловечивается (даже краски и линия). <…> «…эстетическая ценность осуществляется в момент пребывания созерцателя внутри созерцаемого объекта; в момент переживания его жизни изнутри его самого, в пределе созерцатель и созерцаемый совпадают…».

В § 1.3. «Своеобразие «поэтической вселенной» Б. Пастернака» с опорой на методику анализа ХТ, разработанную в рамках коммуникативной стилистики текста (Болотнова, 2001), рассматриваются особенности «образа мира», явленного в «Сестре моей-жизни».

В результате исследования была установлена эстетическая значимость и высокая частотность лексем *ночь*, *сад*, *дождь* и др. Далее были выявлены ассоциативные поля (АП) данных ключевых слов и их взаимодействие друг с другом в рамках уникального парадигматически и синтагматически организованного ассоциативно-смыслового комплекса. Это, в свою очередь, дало возможность сделать гипотетические предположения о доминирующих направлениях ассоциативно-смыслового развертывания («ассоциативных параллелях») и корреляции названных художественных реалий, воплощающих концепцию поэта о единстве и диалектической сущности Природы (в широком смысле).

Анализ ассоциативно-смыслового развертывания текстов позволил подтвердить сделанные ранее предположения, а также расширить и конкретизировать их за счет исследования динамики формирования ключевых образов.

«Переклички» между ключевыми «зеркальными» образами, их близость и даже тождество отчетливо проявляются при сопоставлении текстовых ассоциатов (элементов межтекстовых АП соответствующих слово-образов).

Сопоставим лишь некоторые авторские ассоциаты (реакции на вербальные слова-стимулы), репрезентирующие признаки *сада*, *ветки* и *трюмо*:

Сад	**Ветка**	**Трюмо**
(стихотворение «Зеркало»)	(стихотворение «Девочка»)	(стихотворение «Зеркало»)
бежит на качели	*с качелей (вбегает)*	*к качелям бежит*
бурелом и хаос	*с бухты-барахты; беспорядок, кутерьма*	*(дорожкою в сад)*
тормошится в зале в трюмо	*вбегает в трюмо*	
огромный	*огромная*	
гипнотическая отчизна	*родная; близкая; с сад*	
	второе трюмо	

Кроме того, было установлено, что в начальном цикле «Не время ль птицам петь» формируются и совмещаются в процессе смыслового развертывания текстов основные ассоциативные параллели: «сад – пространство души»; «сад – мир» (особое пространство, фокусирующее свойства внешнего и внутреннего мира – парадоксального пространства «Сестры моей-жизни»).

Контекстологический анализ и исследование АП ключевых слово-образов и отдельных текстовых ассоциатов на вербальные стимулы (номинаты других образов) позволил также выявить парадоксальную антиномичность, синкретизм и намеренно актуализированную антропоморфность/олицетворенность хронотопа (образов ночи, сада и других образов «времени и пространства»).

С*инкретизм* (как доминантное качество текстовых структур) является универсальной структурно-смысловой категорией поэтического мира «Сестры моей-жизни» (и макроструктуры в целом).

В качестве иллюстрации обратимся к развернутой тропеической конструкции (стих. «Любимая - жуть! Когда любит поэт…»), в которой подобный (синкретичный и парадоксальный) хронотоп (наступающее в степи *утро* и…одновременно уходящая из села *ночь*) воспроизводится путем синтеза нескольких микрообразов (*утро*, *ночь*, «*звезды-владыки*») в один сложный многомерный образ (его невозможно обозначить обычными языковыми средствами):

…И утро в степи, под владычеством
Пылящихся звезд, когда ночь по селу
Белеющим блеяньем тычется…

В данном тексте уходящая из села *ночь*, как бы вбирающая в себя происходящее вокруг (звуки и краски), принимает вид *странного живого существа, издающего звуки («животного»* ? - овцы/козы ?), *невидимого* (белеет блеянье – звук!), *но в то же время совершающего некое подобие физического действия (оно тычется… блеяньем*). В стихотворении «Свистки милиционеров» *ночи* предстают уже в облике сигающих через заборы и падающих с деревьев людей (действие происходит в городе, во время беспорядков, вызванных забастовкой «дворни»):

Дворня бастует. Брезгуя
Мусором пыльным и тусклым,
Ночи сигают до брезгу
Через заборы на мускулах.
Возятся в вязах, падают,
Не удержавшись, с деревьев.
Вскакивают: за оградою
Север злодейств сереет.

Несмотря на то, что олицетворение хронотопа (как и олицетворение вообще) в целом характерно для русской языковой картины мира, в «поэтической вселенной» Пастернака подобные «образы времени и пространства» почти всегда уникальны и неожиданны, но одновременно и универсальны (в силу регулярной повторяемости приемов их формирования) – более «странными» на их фоне кажутся привычные свойства времени-пространства. Вместе с тем их обычные признаки, как правило, точны и вполне реальны, так как связаны не только с субъективно-личностным восприятием (и с метафорическим планом текста), но и с объективными свойствами названных категорий.

Одним из средств конкретизации хронотопа являются номинаты времен года и месяцев (ср.: весна, осень, август, сентябрь и др.), а также топонимы (ср.: Балашов, Ржакса, Воробьевы горы, Москва и др.), отсылающие к реальному месту описанных в книге событий (время действия указано и в подзаголовке книги «Лето 1917 года»).

Необычность текстовых ассоциатов на данные вербальные стимулы, то есть *«остранение»* хронотопа, приводит к усилению его парадоксальности и синкретичности. Тесный сплав реального, конкретного и ирреального рождает в итоге новое синкретичное парадоксально-антиномичное пространство, совмещающее в себе свойства внешнего и внутреннего мира.

Сравним, например, описания *Балашова* и *лета* (текстовые ассоциаты на данные вербальные стимулы выделены курсивом):«И без того *взошел, зашел* / *В больной душе, щемя, мечась*, / *Большой, как солнце*, Балашов…» (стих. «Балашов»); «*Тянулось в жажде к хоботкам* / *И бабочкам и пятнам, / Обоим память оботкав / Медовым, майным, мятным»* (стих. «Лето»).

Предельно синкретичное, «гибридное» целое, каким является поэтический образ (как и любая другая текстовая структура) автора «Сестры моей-жизни», есть не только одна из ключевых составляющих парадоксально-антиномичного мира, но и наиболее яркая примета творческой манеры Пастернака, которую можно назвать парадоксальной «поэтикой конвергенции». Понятие *конвергенция* при этом означает как «скрещивание», «гибридизацию» одного с другим (именно этот смысл вкладывает в него А.Жолковский), так и «сгущение», «скопление» изобразительно-выразительных средств, участвующих в воплощении образа.

Поэтически-парадоксальное мировидение автора предопределяет своеобразие проявления и функционирования данного феномена: конвергенция (как текстовая структура) приобретает более интенсивный и, как правило, антиномичный характер.

Понятие антиномичность (применительно к поэтическому тексту) также расширяется и наполняется новым смыслом: имеется в виду взаимная дополнительность противоположных (по своей эстетической и коммуникативной сущности, функциональному предназначению, смыслу и т.п.) явлений/элементов. Всё это усиливает смысловую многозначность, амбивалентность текста и, следовательно, вариативность его интерпретации адресатом, который постоянно оказывается в ситуации альтернативного выбора.

Проведенный анализ доказал яркую парадоксальность поэтической картины мира Пастернака. К числу доминирующих особенностей пастернаковского мира можно отнести: 1) предельный антропоцентризм (антропоморфизм) и синкретизм; 2) парадоксальность и антиномичность организации элементов, способных к «взаимозаменимости»; 3) динамичность любого элемента, которая наиболее отчетливо проявляется в непрерывной цепи метаморфоз (перевоплощений) и готовности к «интеграции», инкорпорированию в новое синкретичное единство; 4) особый характер хронотопа: подвижность («текучесть»), синкретизм, намеренно актуализированный антропоморфизм, парадоксальное совмещение свойств «внутреннего» и «внешнего» (конкретного, реального) пространства.

§ 1.4. «Максимы» Пастернака (индивидуальные коммуникативные «универсалии»)» посвящен индивидуально-авторским «правилам» организации лексической структуры текста. «Максимы» Пастернака рассматриваются с опорой на понятие «текстовая норма», которое трактуется как «гармоническая организация всех элементов структуры текста в соответствии с авторским замыслом и ориентацией на адресата» (Болотнова, 2000). «Максимы» Пастернака условно определяются нами *как характерные для автора конструктивные принципы («правила») построения текста, обусловленные эстетическими установками создателя и реализующие его творческий замысел.*

Среди ведущих из них выделим «максимы конвергенции», «тропеизации», «образной перспективы».

1. *«Максима конвергенции»* - «гибридизация», «смешивание» (синкретизм) элементов (поэтических реалий, вербальных единиц, признаков и т.д.). Принцип, реализующий допущение «X это одновременно X, Y, Z …» (формула - «это и то, и другое, и третье»); модификация - «X это не Y, не Z…это – N» («это – ни то, ни другое…это третье»). Это универсальный пастернаковский способ получения нового, отражающий установку автора на трансформацию (пересотворение) «данного» (традиционного, стереотипного, известного). По существу, таким способом Пастернак реализует «чрезвычайно существенную вообще для искусства формулу» (Лотман, 2000) «то и одновременно не то» (там же).

2. *«Максима тропеизации»* текстового пространства - принцип, реализуемый на лексико-семантическом уровне: намеренное, обусловленное авторским замыслом «нагнетание» (скопление) тропов, «соположение разнородных семантических единиц» (Лотман, 1996). С одной стороны, названная закономерность, на которой базируется «семантическая структура стиха раннего Пастернака» (Лотман, там же), отражает наметившуюся в начале XX века *общую тенденцию* в организации поэтического текста, в частности, смыслообразующий принцип соположения «принципиально несоположимых сегментов», лежащий в «основе поэтики разнообразных течений авангарда» (Лотман, 2000). С другой стороны, эта общая закономерность в текстах «Сестры моей –жизни» индивидуализируется за счет *интенсификации универсального приема* (принципа комбинаторики, соположения неоднородных элементов). Кроме того, в силу присущего поэту стремления к «реализму» - точности описания деталей, благодаря «конструктивному и словесному максимализму», «идеальный» пастернаковский троп получает дополнительную функциональную нагрузку. Так, наряду с названными выше функциями (разрушением «облика мира» и привычных связей), он, как правило, служит средством создания ярких, *зримых* образов, позволяющих читателю *увидеть* и

почувствовать эстетически преобразованный мир не только по-новому, но и во всех его подробностях.

Ср. две яркие иллюстрации: 1) «*В траве, на кислице, меж бус / Брильянты, хмурясь, висли, / По захладелости на вкус / Напоминая рислинг*» (стих. «Имелось»); 2) *«Это диск одичалый, рога истесав / Об ограды, бодаясь, крушил палисад. Это – запад, карбункулом вам в волоса / Залетев и гудя, угасал в полчаса, / Осыпая багрянец с малины и бархатцев»* (стих. «Послесловье»).

В этих и подобных им текстовых фрагментах (развернутых тропеических конструкциях) не только воссоздаются особые пастернаковские образы (зримые, почти осязаемые и неожиданные), но и оживляются традиционно-поэтические «штампы» (в данном случае метафоры «брильянты» – «капли росы, дождя»; «диск одичалый» – «диск луны, месяц»). Достигается это не только за счет «максимы тропеизации», но и благодаря *«художественно-образной конкретизации*» (термин М.Н. Кожиной), которая в текстах Пастернака совмещается с «конструктивным и словесным максимализмом».

3.«*Максима метаморфозы*» - принцип трансформации, преобразования одного элемента в другой, в пределе - «цепь» непрерывных, «круговых» метаморфоз. Способность реалий к перевоплощениям наиболее отчетливо обнаруживает подвижность и творческий характер пастернаковской «вселенной», где всё превращается во всё. Отсюда особая значимость конструкций с «творительным отождествления» (Григорьев, 1979) или с «творительным метаморфозы» (Арутюнова, 1990) как одного из средств вербальной экспликации эстетической установки автора.

4. «*Максима образной перспективы»* включает интенсивное сопряжение реалий поэтического мира в «микрокосме» и «макрокосме», «малом» и «большом» (универсальном) пространстве (соответственно - на уровне макроструктуры целого текста/макротекста), актуализацию «родственной» связи - «перекличек» между образами (принцип симметричной (взаимообратной) связи). В ассоциативно-семантической сети текста это проявляется как ассоциативно-смысловые «переклички» слово-образов. Понятие ассоциативные «переклички», введенное С.М. Карпенко (2000), означает «воспроизведение в двух или нескольких стихотворных текстах комплекса ассоциативных связей, соотносящихся с одним концептом».

В динамике текстового развертывания все названные выше «максимы», как правило, взаимодействуют. Так, «максима метаморфозы» и принцип симметричных (взаимообратных, «зеркальных») отношений между ключевыми элементами («максима образной перспективы») наиболее ярко представлены в начальной строфе стихотворения «Девочка» (заглавие и первые два стиха для большей наглядности помещены в один линейный ряд): *«Девочка» → «Из сада, с качелей, с бухты барахты / Вбегает ветка в трюмо!».* Итогом метаморфозы является единый синкретичный образ: «Девочка ↔ ветка. В перспективе текста реализуется новая цепь метаморфоз: «девочка-ветка» перевоплощается в близкое существо, затем - в «сестру», во «второе трюмо». В «трюмо» происходит главная «родовая трансформация» (Фатеева, 1995): «Девочка ↔ «Я» и уравнивание всех образов: «*Сад застлан, пропал за её беспорядком, / За бьющей в лицо кутерьмой. / Родная, громадная, с сад, а характером – Сестра! Второе трюмо!».* Сравним всю цепочку: девочка ↔ ветка ↔ сад ↔ «Я» и конечную метаморфозу: «девочка ↔ «Я».

«Максимы» Пастернака, как показал анализ, являются отражением индивидуального и универсального (общих тенденций в организации художественных текстов и закономерностей их словесно-художественного структурирования).

Таким образом, проведенное исследование позволяет утверждать, что в «Сестре моей-жизни» построена совершенно неповторимая, а с точки зрения здравого смысла, даже парадоксальная модель мира, в основе которой лежит гармоничный сплав мысли и эмоции, а именно: идея поэта о единстве, целостности мироздания и чувство одухотворенной вселенной, на которое накладывается ещё и ощущение глубокого родства с жизнью. Поэтический мир автора отличается не только уникальностью,

парадоксальной антиномичностью и удивительной цельностью, но и такой же удивительной, неожиданной «универсальностью», которая проявляется как в характере ключевых образов (их способности к «взаимозаменимости», «зеркальности»), так и в «правилах» (конструктивных принципах) организации текста – «максимах» Пастернака, фокусирующих общее и индивидуальное.

Поскольку в первой главе основное внимание уделялось индивидуальным особенностям построения поэтических текстов Пастернака с опорой на моделирование фрагментов ПКМ автора, в двух следующих главах рассмотрено, как общие закономерности словесного структурирования художественных текстов - коммуникативные универсалии - реализуются в неповторимом поэтическом творчестве писателя.

Глава 2. «Регулятивные средства и структуры и их коммуникативный потенциал в лирике Б.Л. Пастернака» посвящена анализу регулятивных структур разного ранга и уровня обобщения и их коммуникативных возможностей в поэтических текстах Б. Пастернака. С опорой на теорию регулятивности Н.С. Болотновой обосновывается регулятивный статус тропов, стилистических приемов и типов выдвижения.

В **§ 2.1. «Коммуникативные универсалии как отражение регулятивности поэтического текста»** рассматривается сущность и взаимосвязь ключевых понятий «коммуникативные универсалии» и «регулятивность текста», намечаются перспективы их дальнейшей разработки.

Сформулированное в конце 80-х гг. Е.В. Сидоровым (1987) положение о том, что текст, наряду с другими системными качествами, обладает регулятивностью, отражающей его способность воздействовать на читателя, направляя его познавательную деятельность, легла в основу теории регулятивности, которая в настоящее время находится в стадии интенсивной разработки. Концепция регулятивности Н.С. Болотновой основана на том, что автор заинтересован в эффективности, «гармонизации» общения с адресатом (в сфере художественной коммуникации это предполагает адекватность понимания читателем эстетической программы творца текста). Адресант тем или иным способом пытается «регулировать» вторичную коммуникативную деятельность читателя, побуждая его к сопереживанию. В условиях опосредованного общения (через текст) достичь необходимого коммуникативного эффекта можно лишь посредством особой организации макроструктуры произведения, прежде всего его лексического уровня.

Поскольку важное место в данной теории отводится проблеме эффективности диалога коммуникантов, «особую актуальность приобретает изучение условий, путей и способов «гармонизации» общения, при которых текст оказывает определенный эстетический эффект» (Болотнова, 1992).

Установка художника слова на гармонизацию общения со своим потенциальным адресатом предполагает использование определенных приемов словесно-художественного структурирования произведения. Исследование ассоциативно-семантической сети художественного текста позволило сделать вывод о наличии в текстовой парадигматике и синтагматике лексически репрезентированных закономерностей, или коммуникативных универсалий, «имеющих ассоциативно-смысловой характер» (Болотнова, 1994).

В **§ 2.2. «Регулятивный статус тропов, стилистических приемов и типов выдвижения»** элементы прагматического уровня текста (тропы, стилистические приемы и типы выдвижения) рассматриваются в новом ракурсе: как особые коммуникативно обусловленные регулятивные структуры, основанные на определенных «правилах» гармонического общения - индивидуальных и общих (универсальных) принципах словесно-художественного структурирования произведения. Кроме того, в данном параграфе даются определения понятий «способы регулятивности», «стилистический

прием», «типы выдвижения», характеризуются аспекты и особенности их рассмотрения в стилистике декодирования и в коммуникативной стилистике текста.

За исходное взято положение о том, что идиостиль автора может проявляться как в выборе лексических средств регулятивности, так и в их сопряженности в регулятивные структуры, «по-разному организующие интерпретационную деятельность адресата» (Болотнова, 2001). Важнейшими лексическими регулятивами в поэтических произведениях Пастернака являются тропы: именно на их основе (приемах организации) формируются наиболее характерные для автора способы регулятивности.

Функциональные качества тропов как регулятивных структур определяются их «генетической» способностью вызывать и/или усиливать разного рода «эффекты», оказывающие определенное эстетическое воздействие на читателя. Кроме того, коммуникативно-эстетический потенциал данных лексических регулятивов обусловлен не только их экспрессивностью, но и характерной для них вариативностью интерпретации. Это связано с особенностями их структуры (динамичностью, имплицитностью и пр.) и ассоциативной «аурой» – комплексом подвижных, индивидуальных, часто не вербализуемых ассоциаций (Чернухина, 1988). Намеренное расширение интерпретационного поля тропа (и текста в целом) за счет особой организации образного контекста - прием, создающий и/или усиливающий «эффект мерцания смысла» («эффект вариативности выбора»). Он позволяет автору дополнительно стимулировать познавательную деятельность читателя.

Из сказанного следует, что сочетание (особенно – неожиданное, парадоксальное) нескольких тропов, включение их в стилистические приемы, а также скопление различных стилистических приемов (конвергенция) в небольшом текстовом пространстве может при условии соблюдения автором «правил» гармоничной коммуникации значительно усилить эстетический эффект произведения.

Статус тропов, стилистических приемов и типов выдвижения как регулятивных структур разного ранга и уровня обусловлен в целом регулятивностью – системным текстовым качеством, связанным с другими (общими и специфическими) особенностями текста: информативностью, структурностью, интегративностью, предсказуемостью/непредсказуемостью текстового развертывания, вариативностью/инвариантностью интерпретации и т.д. Участие данных лексических регулятивов в реализации интерпретационных возможностей текста и отдельных его фрагментов и составляет их функциональную сущность как регулятивных структур.

Исследование разных типов смысловых отношений (усиления, дополнения, контраста и их различных модификаций), в которые вступают между собой эти регулятивные структуры в процессе развертывания текста, является важным для постижения особенностей поэтической картины мира автора и управления познавательной деятельностью адресата (Болотнова, 1992). Интерпретационные возможности и коммуникативно-эстетический эффект текста, таким образом, в значительной степени предопределены особым отбором и организацией текстовых регулятивов.

В **§ 2.3. «Коммуникативные возможности тропов, стилистических приемов и типов выдвижения в лирике Б. Пастернака»** рассматриваются субъективные и объективные факторы текстообразования, определяющие отражение коммуникативного потенциала тропов, стилистических приемов и типов выдвижения в поэтических произведениях Б. Пастернака.

Исследование принципов организации лексической структуры текстов книги «Сестра моя-жизнь» показало, что их коммуникативно-эстетический потенциал определяется функциональными возможностями тропов, стилистических приемов и типов выдвижения.

Регулятивный потенциал тропов и стилистических приемов, в свою очередь, обусловлен целым рядом субъективно-объективных факторов текстообразования: эстетической и прагматической сущностью данных феноменов; спецификой их

использования в конкретной поэтической идиосистеме, включая общие и индивидуальные принципы её организации; пресуппозицией (фоновыми знаниями) адресата.

Функциональные характеристики лексических регулятивных структур можно рассматривать не только как важнейшую составляющую их коммуникативного потенциала, но и как один из факторов, обусловливающих *инвариантность* и *вариативность* интерпретации эстетического смысла текста. «Равновесие» в проявлении этих специфических функциональных текстовых качеств (Болотнова, 1998) должно обеспечиваться гармоничностью организации регулятивной макроструктуры текста, например, гармоничным (пропорциональным) сочетанием регулятивов, обладающих разными функциональными возможностями и различной «регулятивной силой». «По характеру соотнесенности с целевой программой текста и актуализированной средствами текста способности выполнять регулятивную функцию» (Болотнова, 1998) дифференцируются *яркие* (сильные) и *слабые* регулятивы. Они отличаются вариативностью читательской интерпретации, которая больше у «слабых» и меньше у «сильных», «ярких» регулятивов, и разным прагматическим эффектом.

За исходное было принято положение, согласно которому различные стилистические приемы, основанные на таких разных структурных принципах, как «добавление» (фигуры прибавления), «сокращение» (фигуры убавления) или «изменение» (фигуры перестановки, размещения), будут обладать неодинаковыми регулятивными возможностями. Так, одни из них, изначально связанные с «идеей избыточности» (например повторы, соотносимые с фигурами прибавления), по своей *регулятивной силе* должны значительно превосходить другие (стилистические приемы, основанные на принципе «сокращения» и «изменения»).

Например, эллипсис и анаколуф - любимые стилистические приемы Пастернака (ср.: Баевский, 1994), с одной стороны, способствуют порождению (усилению) разного рода *эстетических эффектов*, что достигается за счет присущей данным «фигурам» способности к передаче (усилению) динамики, экспрессивности художественно воплощенной ситуации (эллипсис), актуализации её изменчивости - разнонаправленности действия и/или эмоционального настроя, оценок и т.д. (анаколуф). С другой стороны, они могут «затемнять» смысл высказывания, увеличивая степень вариативности читательской интерпретации.

Так, анаколуфы, основанные на нарушении контактности, последовательности элементов, в поэтических текстах Пастернака обычно приводят не только к «оживлению», но и к усложнению структуры. Все это в сопряжении с конвергенцией и нестандартностью лексического воплощения эстетического смысла «работает» на его «затемнение», на создание многозначности и усиление вариативности.

Проиллюстрируем сказанное примером (стих. «Болезни земли»):

О еще! **Раздастся ль только хохот**
Перламутром, Иматрой бацилл,
Мокрым гулом, тьмой стафилококков,
И блеснут при молниях резцы,

Так – шабаш! Нешаткие титаны
Захлебнутся в черных сводах дня.

Открывающий текст анаколуф, с помощью которого вводится образ «больной» земли (а точнее – «знаки», «симптомы» её «болезни»: «бреда», «сумасшествия»), усиливает уже созданное лексическими регулятивами (тропеическими микроструктурами) ощущение «бредовости», «ненормальности» происходящего. Это впечатление, заданное уже заглавием-метафорой, подчеркивается и «квазиначалом»: короткое экспрессивное восклицание «О ещё!», напоминающее благодаря междометию эмоциональный возглас, крик-призыв, создает эффект как бы начатой с середины и прерванной фразы. Этому способствует и семантика наречия «ещё» (ср.: «опять, снова», «в добавление» - к чему ?), употребление которого в абсолютном начале текста кажется

странным, неестественным. Всё высказывание в целом, заметим, не имеет и «естественного» завершения: оно не заканчивается и переносится во вторую строфу, где как бы насильно обрывается чьим-то грубым окриком (ср.*«…Так – шабаш!…»*).

Приведем еще несколько наиболее характерных «*предельных» случаев использования эллипсиса* и *приемов создания неопределенности*, когда пропущенное звено или обозначенный местоимением элемент невозможно восстановить не только из ближайшего, но и из широкого контекста. Это, разумеется, не исключает возможных попыток адресата выявить пропущенный элемент, опираясь не на контекст, а на пресуппозицию или собственную интуицию:

1. *Начальная* строфа стихотворения «Тоска»: *«Для этой книги на эпиграф / Пустыни сипли, / Ревели львы, и к зорям тигров / Тянулся Киплинг»* не позволяет точно установить, о какой книге идет речь. Книге лирики самого автора (ср. название предшествующего текста: «Про эти стихи»)? «Книге Джунглей» Р. Киплинга? Библии? (Автограф в ИМЛИ содержит эпиграф из Библии (см.: Пастернак, 1989)).

2. *«К губам поднесу и прислушаюсь…»* (стих. «Плачущий сад») – отсутствует объект действия.

3. *«У кадок пьют еще грозу…»* (стих. «Наша гроза») – не назван субъект действия.

В этих и подобных «предельных» случаях «оптимизации» данного приема «незамещенные» синтаксические позиции, не восполненные в процессе коммуникации, создают максимальную смысловую неопределенность, а потому такие текстовые структуры, ориентированные на языковую (смысловую) «компрессию», принцип «экономии», не «поддержанный» принципом смысловой «избыточности», не могут служить надежными «опорными вехами» в процессе интерпретации.

Слабые *синтаксические* регулятивы можно условно отнести к вспомогательным регулятивным структурам в поэтических текстах Пастернака. Их изначальная эстетическая «нагрузка» – поддержание (но не создание) атмосферы недоговоренности, усиление эффекта спонтанной, внутренней речи; прагматическая же роль заключается в актуализации ядерных *вербальных* элементов регулятивной структуры, в «поддержке», усилении *лексических* регулятивов, с которыми они, как правило, находятся в отношениях взаимного дополнения. Сила лексических регулятивов в конечном итоге определяется функционально – «коммуникативным эффектом и яркостью осознания» адресатом авторской интенции (Болотнова, 1998).

Поскольку понятия «вариативность – инвариантность» и «регулятивная сила» проявляются в текстах по-разному, нами была использована условная «шкала регулятивности», которая позволила наиболее рельефно обозначить разные позиции «ярких» и «слабых» лексических регулятивов.

«Регулятивная сила» текста может быть выявлена в условиях эксперимента по показаниям языкового сознания информантов. Так, экспериментальным путем были определены коэффициенты регулятивности (числовые эквиваленты регулятивной силы текста) двух стихотворений Пастернака («Ты так играла эту роль!..» - 3,7 и «Определение творчества» - 3, 0), отличающиеся принципами словесно-художественного структурирования. Сопоставление результатов показало, что б*о*льшими регулятивными возможностями обладает текст «Ты так играла эту роль!..», в лексической структуре которого доминирует универсальный закон смысловой «избыточности».

Полученные данные свидетельствуют о наличии тесной взаимосвязи между принципами (как универсальными, так и индивидуальными) словесно-художественного стуктурирования произведения и степенью его «регулятивной силы».

Глава 3. «Функционирование регулятивных средств и структур в поэтических текстах Пастернака» посвящена особенностям организации текстовых микроструктур и отражению универсальных принципов словесно-художественного структурирования в поэтических произведениях Б. Пастернака. Глава включает расширение единиц анализа: от тропов к регулятивным моделям и типам выдвижения (соответственно - от

принципов лексического структурирования отдельных текстовых фрагментов к закономерностям построения целого текста).

В **§ 3.1. «Особенности функционирования тропов»** рассматриваются некоторые универсальные принципы организации тропов, включая разные способы их концептуально обусловленной сопряженности в лексической структуре текста; выявляется специфика взаимодействия данных регулятивных микроструктур в образной перспективе текста и сложная, неоднозначная взаимосвязь «генетической природы» тропов и их функциональных возможностей как лексических регулятивов; описываются типы тропеических блоков (комбинаторные и регулятивные модели).

Проведенное исследование дает основание утверждать, что коммуникативно-эстетический потенциал тропов, с одной стороны, зависит от их структурно-семантических особенностей и характера «включения» в ассоциативно-семантическую сеть текста. С другой, – сам обусловливает специфику, то есть «регулятивную силу» (яркость) или «слабость» различных текстовых регулятивов - более сложных регулятивных структур, построенных на основе тропов и по их же «образцу».

Изучение литературы, посвященной структурным особенностям различных типов тропов и специфике их функционирования в идиостилевой системе Пастернака, а также самостоятельно предпринятое исследование данной проблемы в свете теории регулятивности позволили обнаружить весьма характерную закономерность в организации названных лексических регулятивов: «скопление» синкретичных «конвергирующих» тропов (конвергенцию), их сопряженность в образной перспективе текста. Названная функциональная особенность так или иначе отражается в основных принципах словесно-художественного структурирования произведений и обусловливает как своеобразие и интерпретационные потенции регулятивных структур, так и характер регулятивности текста в целом.

Анализ более 1300 текстовых фрагментов показал, что в результате конвергенции («скопления») и сопряженности тропов в образной перспективе текста происходит формирование особых регулятивных структур – тропеических блоков (ТБ).

Под тропеическим блоком понимается *регулятивная структура*, *включающая совокупность эстетически актуализированных тропов, объединенных в рамках одного или нескольких высказываний функционально и по смыслу.*

Предложенная нами классификация ТБ в § 3.1. построена с учетом их специфики, а также с опорой на уже имеющуюся типологию текстовых регулятивов, разработанную Н.С. Болотновой (1998).

Тропеические блоки в текстах книги «Сестра моя-жизнь» представлены следующими типами (комбинаторными и регулятивными моделями): *компаративными* (ТБ, образованными комбинацией компаративных тропов) и *смешанными* (ТБ, образованными комбинацией разных видов тропов); *конвергентно-усилительными* (ТБ, образованными сопряжением когерентных элементов, связанных смысловыми отношениями усиления) и *парадоксальными* (ТБ, образованными парадоксальным сопряжением некогерентных элементов, связанных разными видами смысловых отношений: усиления, дополнения, контраста и «квазиконтрастивными» отношениями). Сравним примеры: 1) ТБ *компаративного типа*, сформированный сочетанием метафор (*час скользит*; *табачного… цвета* (о часе); час…*не тонет*) и сравнений (*скользит, как камешек / Заливом*; *табачного, как мысли, цвета*): «Ах, там и час скользит, как камешек /Заливом, мелью рикошета! / Увы, не тонет, нет, он там еще, Табачного, как мысли, цвета» (стих. «Мучкап»); 2) ТБ *смешанного* (синкретичного) типа (стих. «Зеркало»): «В трюмо испаряется чашка какао, / Качается тюль, и - прямой /Дорожкою в сад, в бурелом и хаос / К качелям бежит трюмо». Ср.: синкретичные тропы («сплав» метонимии и метафоры): *испаряется чашка какао,* то есть “отражается в зеркале чашка какао и подымающийся над ней пар” (их отражение) и *испаряется* (метафора), то есть “исчезает, превращается в пар” (см.: МАС, III, с. 680); «*дорожкою в сад…К качелям бежит трюмо*» (в зеркале отражается часть сада: дорожка, качели (метонимический сдвиг) и «*бежит к*

качелям» (метафора), то есть “быстро перемещается, подобно живому существу”); 3) ТБ *конвергентно-усилительного* типа, элементы которого (семантически и ассоциативно когерентные) связаны отношениями усиления (ср. усиление смыслового признака “покрытый влагой”: «*обрызганный» - «закапанный мильоном синих слез*): «И сад слепит, как плес, / Обрызганный, закапанный, / Мильоном синих слез» (стих. «Ты в ветре, веткой пробующем…»); 4) ТБ *парадоксального* типа (стих. «Как усыпительна жизнь!..»: «*…Чтоб щелкали с кольца /Клесты по канцеляриям / И тучи в огурцах / С отчаянья стрелялись*».

В поэтических произведениях Пастернака доминируют *ТБ синкретичного (смешанного) типа* (по нашим подсчетам, они составляют 70% от общего числа (325) ТБ), что обусловлено эстетическими установками поэта.

Большими регулятивными потенциями обладают *конвергентно-усилительные тропеические структуры* (регулятивные модели), ориентированные, как правило, на закон смысловой «избыточности». Отличительной чертой данных ТБ является *одновременная реализация нескольких коммуникативных универсалий*: закона эстетически ориентированной смысловой «избыточности», закона гармонического соответствия текстовой синтагматики и парадигматики» (коммуникативной универсалии «непрерывности эксплицированного вербально свободного ассоциативного развития») и/или закона гармонического соответствия уникальных и типовых текстовых ассоциатов» (коммуникативной универсалии «взаимной «уравновешенности» типовых и уникальных ассоциаций»).

В организации ТБ *парадоксального типа* доминируют индивидуальные правила словесно-художественного структурирования – «максимы» Пастернака, сочетающиеся с корреляцией таких коммуникативных универсалий, *как закон эстетически ориентированной смысловой «избыточности» и закон эстетически обусловленной «экономии» языковых средств*. Нерегулярное отражение коммуникативных универсалий в сочетании с индивидуальными формами их проявления (трансформацией и оригинальностью лексического воплощения), характерными для ТБ парадоксального типа, ослабляет их коммуникативные возможности как регулятивных структур.

§ «3.2. «Специфика конвергенции как доминирующего типа выдвижения в поэтической идиосистеме Пастернака». Яркой особенностью поэтических текстов Пастернака является синтез взаимодополняющих друг друга лингвистических способов регулятивности (Болотнова, 1998): ритмико-звуковых, включая различные приемы звукописи, лексических и синтаксических (приемы синтаксического параллелизма, парцелляции и др. (см. «фигуры речи», рассматриваемые выше). В результате взаимодействия комплекса различных регулятивных средств формируется наиболее распространенный в «Сестре моей-жизни» тип регулятивных структур - синкретичные регулятивы, представляющие собой синтез разнородных стилистических приемов, сопряженность которых и создает конвергенцию как доминирующий тип выдвижения. Анализ текстов «Сестры моей-жизни» показал, что конвергенция является основным типом выдвижения во всех 50 стихотворениях.

Регулятивные структуры синкретичного, комплексного типа являются одним из наиболее ярких проявлений изоморфизма и парадоксально-антиномичного принципа организации макроструктуры «Сестры моей - жизни»: они построены по тем же моделям, что и ТБ смешанного (синкретичного) типа. Таким образом, эти регулятивные структуры могут быть дифференцированы (на основании того же критерия, что и ТБ) на конвергентно-усилительные и парадоксальные.

Ср., например, синкретичную регулятивную структуру конвергентно-усилительного типа, образованную сопряжением разнородных регулятивов и реализующую «закон …смысловой «избыточности»: «*В занавесках кружевных / Воронье. / Ужас стужи уж и в них / Заронен. // Это кружится октябрь, / Это жуть / Подобралась на когтях / К этажу*» (стих. «До всего этого была зима»). Яркий зрительный и звуковой образ зимней стужи формируется синтезом разнородных

регулятивов: лексических (это ТБ), синтаксических (ср. анафоры: «Это кружится…» - «Это жуть…»); звуковых (ср. звукопись: кр***уж***евных – ***уж***ас ст***уж***и – кр***уж***ится – ***жу***ть – эта***жу***) и др.

Именно доминирование и взаимодействие (сопряженность в перспективе текста) синкретичных регулятивных структур обусловливают специфику конвергенции, которая в текстах Пастернака представляет собой «пучок» *разнородных* стилистических приемов (в том числе и «фигур речи»): это и прием метафоризации, и контраст (преимущественно ослабленный), и повторы, и парономасии, и звукопись и т.д. (понятие конвергенция в данном случае расширяется и наполняется новым смыслом).

Кроме того, конвергенция, как правило, совмещается с разными типами выдвижения, при этом наиболее регулярным, как показал анализ, является сочетание с повтором: корреляции конвергенции и повтора зафиксированы в 40 % текстов («Плачущий сад», «Зеркало»; «Степь»; «Еще более душный рассвет»; «Как усыпительна жизнь!..»; «Как у них» «Лето»; «Давай ронять слова…»; «Имелось» и др.).

Конвергенция и ориентация на гармоничность структуры (закон гармонического соответствия уникальных и типовых текстовых ассоциаций, закон гармонического соответствия текстовой синтагматики и парадигматики, принцип взаимного дополнения: «скопление» тропов, уравновешивающееся гармоничным соотношением «ярких» и «слабых» регулятивов) как ведущие способы организации поэтических текстов Пастернака определяют коммуникативно-эстетический потенциал отдельных текстовых структур и произведения в целом. Некогерентность, разнородность стимула и реакции (текстового ассоциата), порождающая синкретизм образов, эстетически мотивированная уникальность и парадоксальная сопряженность текстовых ассоциатов, - все это, гармонично сочетаясь с типовым («умеренной стандартностью»), универсальным, увеличивает силу регулятивности текстовых структур. Такие регулятивы, в которых уникальное и универсальное органично дополняют, уравновешивают другу друга, можно определить как структуры с эффективно реализованным коммуникативным потенциалом.

Вместе с тем такие факторы, как своеобразие лексической формы воплощения эстетического смысла (доминирование уникальных тропеических средств), индивидуальные формы проявления коммуникативных универсалий и другие особенности организации регулятивной макроструктуры, ослабляющие силу регулятивов, затрудняют процесс восприятия и интерпретации отдельных текстовых фрагментов.

§ 3.3. «Корреляция закона эстетически ориентированной смысловой “избыточности” и закона эстетически обусловленной “экономии” языковых средств как синтез индивидуального и универсального». Лингвосмысловой анализ стихотворений, включенных в книгу лирики «Сестра моя-жизнь», показал, что яркой особенностью их лексической структуры является *одновременная реализация* (корреляция) различных коммуникативных универсалий, отражающих действие двух противоположных, но диалектически связанных законов: закона эстетически обусловленной «экономии» языковых средств и закона смысловой «избыточности».

Корреляция разных способов (типов) словесно-художественного структурирования, основанных на противоположных законах («экономии» и «избыточности» языковых средств), есть проявление изначально заложенного в пастернаковских текстах (в их лексической структуре) парадоксально-антиномичного принципа построения. Вместе с тем взаимодействие «закона …«экономии» и «закона … смысловой «избыточности» можно рассматривать как проявление общего (универсального) и индивидуального. Явления «экономии» изобразительно-выразительных средств и смысловой «избыточности» нередко рассматриваются в их соотнесенности, диалектической взаимосвязи (о взаимодействии в художественной речи «принципа избыточности» и «принципа экономии» писала Н.В. Черемисина (1981); см. также: Гизатулин (2001)).

Анализ принципов построения лексической структуры текстов «Сестры моей-жизни» показал, что в случаях конвергенции обычно наблюдается реализация *нескольких коммуникативных универсалий*: эксплицитное или имплицитное неоднократное и/или одновременное усиление (выдвижение) одного и/или нескольких концептуально значимых смысловых признаков художественной реалии (формы проявления «закона… смысловой «избыточности»), «одновременная актуализация разных смысловых признаков художественной реалии, стимулированных ключевым словом» и «косвенная актуализация смысловых признаков художественной реалии на основе контекстуальных средств и тезаурусных знаний» (формы проявления «закона… «экономии…»). Корреляция двух названных законов отмечена как на уровне тропеических блоков, так и на уровне целого текста.

Обратимся для иллюстрации к сильной компаративной текстовой структуре «*И в крови моих мыслей и писем / Завелась кошениль. / Этот пурпур червца от меня независим»* (стих. «Послесловье»). В данном случае реализуются такие противоположные коммуникативные универсалии, как «актуализация художественной реалии на основе косвенных смысловых признаков, эксплицированных средствами контекста и тезаурусными знаниями» и «многократное усиление характерного признака художественной реалии».

В этом ТБ поэтом метафорически использованы два синонимичных названия (литературное и диалектное) одного и того же насекомого: *кошениль* и *червец.* Лексема *кошениль* репрезентирует одновременно два смысловых признака: (1) *«насекомое»* и (2) *«красный цвет*» (ср. два ЛСВ, отмеченных в МАС (II, с. 117): 1. «Общее название нескольких видов <u>насекомых</u>, из самок которых добывают <u>красную</u> краску кармин» и 2. «Красящее вещество, имеющееся в теле самки этих насекомых»). При этом одновременно усиливается наиболее релевантный из них, эксплицированный ранее смысловой признак «*красный цвет*» - ср. предшествующую метафорическую микроструктуру *«<u>кровь</u> мыслей»*. Этот же признак дважды «выдвигается» в следующей метафорической микроструктуре «*пурпур червца*»: эксплицитно он усиливается лексемой *пурпур* («темно- или ярко-красный цвет»), которая, заметим, первоначально обозначала «ценное *<u>красящее вещество</u>*» (см.: СО, с. 632 и 1-й ЛСВ лексемы, зафиксированный в МАС (III, с. 559)) и *косвенно актуализируется* словом *червец.* Известно, что из личинок этого насекомого делали порошок для изготовления *красной* - «червчатой, червленой, червонной» - *краски* (см.: Иванов, 1998).

Таким образом, за счет ориентации одной из коммуникативных универсалий («косвенной актуализации смысловых признаков художественной реалии на основе контекстуальных средств и тезаурусных знаний») на референт, относящийся к универсальной пресуппозиции, устанавливается синонимичность лексем и соответственно - ассоциативно-смысловая сопряженность метафор. Корреляция «закона …«экономии» и «закона… смысловой «избыточности» в данном случае обеспечивает необходимый коммуникативный и эстетический эффект: все входящие в данный ТБ ключевые элементы - регулятивные микроструктуры («*кровь моих мыслей»*; *«завелась кошениль»*; *«Этот пурпур червца от меня независим»*) связаны смысловыми отношениями усиления и взаимного дополнения (что исключает коммуникативные «помехи» и одновременно усиливает эстетический эффект этого яркого регулятива).

Сопряженность коммуникативных универсалий на уровне макроструктуры целого текста (в рамках одного стихотворения), а также изоморфизм принципов его организации продемонстрированы на примере анализа стихотворения «Ты в ветре, веткой пробующем…» из цикла «Не время ль птицам петь».

В этом тексте за счет особой организации его ассоциативно-семантической сети (конвергенции как основного типа выдвижения, сопряженности всех регулятивных структур и корреляции взаимно дополняющих друг друга коммуникативных универсалий) укрепляются концептуально значимые для поэта ассоциативные и смысловые связи симметричного типа: «ветка ↔ любимая», «ветка ↔ сад», «сад ↔ «Я».

В итоге все элементы не просто соединяются, а как бы постепенно включаются друг в друга и образуют открытый (то есть допускающий множество интерпретаций) ассоциативно-смысловой микрокомплекс. Вместе с тем он имеет определенный инвариант за счет наличия ярких регулятивов, который составляет ядро ассоциативно-смыслового макрокомплекса (АСП концепта «жизнь», а точнее, его авторской модификации «***сестра моя*** – жизнь»).

В **Заключении** подводятся итоги исследования:

1. Лексическая организация произведений книги Б. Пастернака «Сестра моя – жизнь» воплощает эстетическое кредо автора и парадоксально-антиномичный тип его мировидения. Ключ к постижению как своеобразия картины мира автора, так и неповторимости его идиостиля лежит в творческой эстетике художника слова.

Исследование поэтических произведений, проведенное по методике, разработанной в рамках коммуникативной стилистики художественного текста, позволило сделать вывод о парадоксальности и антиномичности поэтической картины мира Б. Пастернака.

Анализ ассоциативных полей ключевых слово-образов (*ночь*, *сад*, *дождь, ветка* и др.), а также маркеров хронотопа и других поэтических реалий показал, что они взаимодействуют друг с другом, отражая концепцию поэта о единстве вселенной и одухотворенной сущности Природы.

2. Одним из необходимых условий понимания эстетического смысла художественного произведения читателем является ориентация автора на универсальные правила коммуникативной организации языковой ткани текста – коммуникативные универсалии.

Доказано, что действие данных правил на протяжении всего смыслового развертывания текста определяет его регулятивность – способность управлять интерпретационной деятельностью адресата. Как показало экспериментальное исследование, ориентация Пастернака на универсальные «правила» построения текста обеспечивает достаточно высокую степень («коэффициент») его регулятивности. Регулятивность текстов автора определяется по преимуществу одновременной реализацией нескольких коммуникативных универсалий и доминированием закона эстетически ориентированной смысловой «избыточности». Для поэта особенно характерен повтор стилистического приема олицетворения, реализующий закон смысловой «избыточности».

3. Вербальная организация лирических произведений автора обусловлена действием особой системы правил их структурирования – «максим» Пастернака («максимы конвергенции», «максимы тропеизации», «максимы образной перспективы»). Доказана тенденция к взаимодействию «максим» на внутритекстовом и межтекстовом уровнях. Максимы отражают диалектику индивидуального и универсального в словесном структурировании художественного текста.

Выявлено, что в лирике Б. Пастернака коммуникативные универсалии характеризуются уникальностью и парадоксальностью вербального воплощения: известные в стилистике закономерности и принципы организации текста (коммуникативные универсалии) реализуются, как правило, в трансформированном виде (универсальный закон смысловой «избыточности» совмещается со словесной «избыточностью»; закон «экономии» проявляется в «наложении» прямого (буквального) и переносного, метафорического (в широком понимании) смысла).

4. Гармоническое соответствие текстовой парадигматики и синтагматики в поэтических текстах Пастернака осуществляется посредством сопряжения сильных и слабых регулятивных структур, стимулирующих типовые и оригинальные ассоциации. Этот принцип организации лексической структуры отражает действие универсального закона «гармонического соответствия уникальных и типовых текстовых ассоциаций» в лирике Пастернака.

5. Яркой особенностью идиостиля поэта является корреляция закона эстетически ориентированной смысловой «избыточности» и закона эстетически обусловленной «экономии» в словесно-художественном структурировании его произведений.

Установлено, что эти законы взаимодействуют как на уровне отдельных текстовых структур (тропеических блоков разных типов), так и на уровне целого текста.

Основное содержание диссертации отражено в следующих публикациях:

1. Некоторые структурно-семантические и функциональные особенности метафоры в ранней лирике Б. Л. Пастернака // Коммуникативно-прагматические аспекты слова в художественном тексте: Научн. тр. каф. совр. рус. яз. и стилистики Томского гос. пед. ун-та. – Томск: Изд-во ЦНТИ, 2000. – С. 71-87.

2. Метафора в ранней лирике Б. Л. Пастернака в аспекте идиостиля // Русский язык в современном культурном пространстве: Материалы юбилейных конференций, посвященных 100-летию Томского гос. пед. ун-та и 70-летию филологического ф-та ТГПУ (2-3 ноября 2000 г.). - Томск, 2000. – С. 121- 125.

3. О роли ключевого образа «сад» в смысловой интерпретации поэтических текстов Б. Л. Пастернака (на материале цикла «Не время ль птицам петь») // Лексические аспекты смыслового анализа художественного текста в вузе и школе: Материалы научно-практического семинара (26 апреля 2001 г.). – Томск, 2001. – С. 54 – 59.

4. О некоторых особенностях картины мира Б. Л. Пастернака // Художественный текст и языковая личность: проблемы изучения и обучения: Материалы II Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 100-летию Томского государственного педагогического университета (11 – 12 октября 2001 г.). – Томск, 2001. – С. 74 –78.

5. Слово-образ «сад» в книге Б.Л. Пастернака «Сестра моя-жизнь»: особенности лексического воплощения и роль в процессе смыслового анализа текста (на материале цикла «Не время ль птицам петь») // Вестник Томского гос. пед. ун-та. – Вып. 1 (29). – Сер.: Гуманитарные науки (Филология). - Томск, 2002. – С. 26-31.

6. «Памяти Демона» и «Определение творчества» Б. Пастернака: опыт интерпретации в свете текстовых коммуникативных универсалий //Диалог с текстом: проблемы обучения смысловой интерпретации: Материалы V регионального научно-практического семинара (25 апреля 2002 г.). – Томск, 2002. – С.28 - 38.

7. Некоторые принципы лексического структурирования поэтических текстов Б. Пастернака // VI общероссийская межвузовская конференция студентов, аспирантов и молодых ученых «Наука и образование» (15 – 20 апреля 2002 г.): Материалы конференции: В 5т. Т.2: Лингвистика и филология. - Томск, 2003. – С. 246-249.

8. Некоторые особенности образного строя лирики Б. Пастернака в свете теории регулятивности // Лингвосмысловой анализ художественного текста: Материалы VI регионального научно-практического семинара (25 апреля 2003 г.). – Томск, 2003. – С. 13-23.

9. Коммуникативные универсалии и формы их реализации в поэтических текстах Б. Пастернака // Художественный текст и языковая личность: Материалы III Всероссийской научной конференции, посвященной 10-летию кафедры современного русского языка и стилистики ТГПУ (29-30 октября 2003 г.). – Томск, 2003. - С. 53 – 61.